

Вспомнилась вдруг орчуку фраза, которую папенька его говаривал, поутру холодной водой обливая: «В здоровом теле здоровый дух». Так, вроде, кто-то из древних эльфийцев говорил, Увенал его звали, что ли. Хотя странно, посмотришь на этих остроухих островитян и задумаешься, правда ли кто из них такое придумал? Все толсты, низкорослы, одышливы. Ни стати, ни красоты.

А поговорку Мих вспомнил не просто так, а к месту. Каков бы умен не был Витольд Львович, как бы быстр и ловок, но здоровье ему необходимо подтягивать. Во-первых, питаться правильно и часто. Во-вторых, физической активностью заниматься. В-третьих...

- Ну, господин, возьмите еще, - протянул он резко пахнущую марлю Меркулову, которую им выдал анатомический врач.

- Прошу прощения, - схватил спасительную ткань титулярный советник и судорожно вздохнул.

Дух тут и правду был тяжелый. У непривычного к таким ароматам обывателя обычно через пять минут начинало колоть в висках, через четверть часа голову протыкал железный прут и темнело в глазах. Хотя орчуку было спокойно. К мертвецам он был спокойный, да и особенной впечатлительностью не обладал. А запах? В канавах Никольской порой так смердит, что дух морга может показаться легким цветочным ароматом.

- Прошу вас, пожалуйста, продолжайте, - попросил Витольд Львович, не отнимая марли от лица.

- Так вот, удар произошел снизу вверх, - заунывно забубнил покойнический врач, которого Меркулов обозвал странным словом «патологоанатом». - Прямо в сердце. Весьма неплохой удар, по моим предположениям, потерпевший скончался мгновенно. Собственно, наносили удар чем-то вроде шпаги, посмотрите, какое крохотное отверстие.

Витольд Львович булькнул и стал белее полотна, а вот Мих напротив, принялся с интересом разглядывать голого аховмедца. Стати тот был необыкновенной, даже будучи покойником - огромное тулово со странным рисунком на нем, крепкие руки (разве что чуть меньше, чем у самого орчука), мощные поднятые в коленях ноги, чуть уходящие назад и заканчивающиеся копытами. Портила общий вид лишь крохотная прореха на груди, уже омытая от крови.

- Что это? - указал Витольд Львович вовсе не на ранение, а на рисунки.

- Наколка нательная, - объяснил врач.

- Это ясно, - Меркулов заволновался и отдернул было руку со спасительной марлей, но тут спохватился и прижал ее обратно. - Что она означает?

- Ну это, Ваше благородие, не ко мне. Я в них не специалист. Еще что?

- Да, тело необходимо доставить сегодня вечером Его Высочеству Бруу То Вайлу для соблюдения аховмедских церемониальных обычаев. Адрес я напишу.

- Сделаем. Все документы мы уже подготовили, только вас ждали, то есть человека по вашему ведомству.

- Ну и замечательно. Позвольте листок бумаги и что-нибудь зарисовать татуировку.

Врач принес ему восковку с огрызком графитного карандаша, и Витольд Львович быстро

скопировал рисунок. Мих глянул из-за спины своего хозяина и подивился, насколько похоже вышло – черный круг, а к нему сверху присобачен перевернутый месяц.

– Благодарю вас, – пожал Меркулов руку врачу. Тот в ответ кивнул, замешкался, но протянул ладонь и орчуку.

– Душно там как, – глубоко вздохнул Витольд Львович, оказавшись на улице. Он сложил лист на четыре части и убрал во внутренний карман. – Есть у меня предположение, что один человек может нам пролить свет на этот странный рисунок.

– Ваше благородие... – исподлобья посмотрел Мих.

– Мы же, вроде, договорились без всей этой церемониальности.

– А еще, господин, мы договорились, что отобедаем после морга вашего.

– Ах ты, – досадливо всплеснул руками Витольд Львович, вспомнив о данном слове. – Ну пойдем. Вон, смотри, ресторация.

И правда, через улицу на них смотрели витрины «Серебряного якоря». Швейцар при входе недоуменно покосился на босые ноги Муха, но далее оглядел орчука полностью, осмотрел его сопровождающего и открыл дверь. Из-за относительно раннего времени – до обеда было еще далеко – народу внутри почти не было. Лишь несколько богатых студентов, из тех самых повес, которые являются богатыми отпрысками, но каждый день упражняются не в получении знаний, а в спускании родительских денег.

Витольд Львович, полный тревожных дум, сел за ближайший столик, а орчук не без определенных трудностей, заключавшихся в огромных размерах тела, присоединился к нему. Тут же к ним подскочил лощеный официант, с зализанными волосами и вздернутыми кверху тонкими усиками.

– Прошу-с, меню, – вручил он им по картонке и удалился, чтобы издали перешептываться с такими же холуями о странных посетителях.

Миху было хоть и неловко, но он все же постарался обособиться от направленных на него взоров и заправски, точно каждый день на протяжении последних тридцати пяти лет этим и занимался, стал читать картонку.

– Консоме из дичи

– Пирожки: диаволь-пай, буше, волованы, гренки

– Филе с трюфелями

– Осетры разварные и лососина

– Зелень

– Жаркое из дичи и индейки

– Эльфарийский розбив с гарниром

– Стерляди паровые

- Фломбер ананасное с маседуаном

- Фрукты

На напитки даже смотреть не стал и без того тошно стало. Нет, конечно, подобное чтение аппетита расшевелило, орчуку даже захотелось попробовать всяких необыкновенностей, но вместе с тем родился страх опростоволоситься. К слову, из всех перечисленных пирожков он знал только гренки, то бишь попросту хлеб с яйцом обжаренный.

- Господин, - наклонился он вперед. - Вы уж заказ сделайте, а то для меня тут половина слов будто на гоблинарском написаны.

Меркулов согласно кивнул и деланно непринужденным жестом подозвал официанта.

- Любезнейший, мне и моему другу волованов четыре порции, эльфарийского ростбифа... три порции, стерлядей паровых по две и фломбер один. Я сладкого не приветствую, - объяснил Меркулов Миху.

- Апперетиву не желаете? - Склонился над господином официант.

- Минеральной воды, - отвечивал титулярный советник.

Официант несколько скривился, но исполнил все в лучшем виде. А всего через треть часа, когда Мих уже заметно заскучал, началось действо.

Как выяснилось, по две порции Витольд Львович брал орчуку. Лишь волованов, смешных махоньких корзиночек с начинкой, удивительно нежных и тающих во рту, взял вдоволь. Хотя Мих и не заметил, как смолотил их. Но то баловство. Вот ростбиф (и с какого ляду вдруг эльфарийский), поданный с зеленью, хреном, капустой и горошком, да еще в двойном размере, уже проходил в желудке орчука по вполне серьезной статье. А за ними еще и стерлядки отправились, опять же, сложенные не раз, благодаря щедрости хозяина. Но вершиной всего обеда стал тот самый загадочный фломбер - крохотная фигурка, но вкуснящая до безобразия.

- Ну что, Михайло, наелся? - Спросил Меркулов, вытирая рот салфеткой.

- Наелся, господин, - больше всего орчуку сейчас хотелось ослабить ремень и развалиться на стуле. - Давненько так не откушивал.

- Вот и ладно. Теперь мы можем ехать в Императорский Моршанский университет?

- А на что он нам?

- Там должен быть человек, который сможет нам помочь, если, конечно, он еще преподает.

И обед, по мнению Мухи, уже вполне прошел самым лучшим образом, пока Витольд Львович не стал расплачиваться. Глядя на шуршащие банкноты, к горлу орчука подступил ком, казалось, со всей той едой, которую он проглотил. Уже оказавшись на улице, потомок ордынских кочевников не стал сдерживаться и возмутился.

- Если каждый раз за обед столько отдавать, то и недели не протянешь. Вы, господин, извините, но лучше уж в трактирах, что для «чистой публики», питаться будем. Там, может быть, всяких фломберов не имеется, но хотя по карману все.

- Да, признаться, давно я в приличных заведениях не был, - сконфузился и Меркулов. - Но

ничего, будет уроком. Я как в Моршан приехал и у Антонины Леопольдовны поселился, так у нее же и столовался.

– Выжига эта ваша Антонина Леопольдовна, – недобро хмурясь, отвечивал орчук, – поди обворовывала вас как липку?

– Почему же, пятьдесят рублей я ей за постой и еду платил, а двенадцать у меня еще оставалось.

Мих вслух ничего не сказал, но головой укоризненно покачал. О начальнике у орчука уже стало складываться свое мнение. Человек несомненно самых высоких моральных качеств, умный, вон сколько вещей про аховмедцев знает да и про другие народности, а вот по бытёйской части – ну чисто ребенок. Его любой облапошит, а Витольд Львович и слова не скажет, потому что не заметит. Вот если его чести коснется, то оно конечно...

В мрачном настроении Мих пребывал весь путь до Сокольничьей горы, где располагался Императорский Моршанский университет. Орчук тут сроду не бывал, так, шпиль на главном здании (который оказался совсем невероятных размеров) издалека видел. Публика тут всегда собиралась чинная, из благородных – и не подступишься. И сейчас так, единственно, один рослый бугай уселся милостыню просить, только глупо все сделал. Надобно как? Лицо пожалостливее, да увечность какую обозначить. Этот же напротив, завернулся в робу какую-то, ноги поджал, их тоже не видно, да капюшон накинул. Такому и копейку за весь день никто не подаст.

Витольд Львович без стеснения зашел в главный корпус, пошушукался о чем-то своем с привратником и махнул Миху рукой. Они проследовали по пустым коридорам (студизусы, по всей видимости, грызли тот самый клятый гранит науки) мимо закрытых лекционных, поднялись выше и остановились у одной двери. Меркулов толкнул орчука, и тот ближе подошел. Засунул голову внутрь и обомлел.

А как было не удивиться, когда перед тобой опять магия самая настоящая происходит. Нет, кабы Мих каждый день по одной всякой способности видел, так может бы и по привычке, но сейчас все в диковинку было.

Зал забился полным полно, яблоку негде упасть. И что удивительно, не галдят вихрастые студенты, не шумят, а сидят, затаив дыхание, и смотрят вперед. Там, подле сухонького старичка с белыми космами по бокам и плешивой макушкой, все действо и разворачивается. На одном месте застыл то ли туман, то ли облако. И среди него проступают очертания людей, слышны голоса, звуки посторонние. И чем больше и внимательней глядишь, тем понятнее становится. Затягивает тебя.

– Всемиловейший Государь, – к худому всклоченному отроку лет шестнадцати, в замызганном платье и никак на звание Всемиловейшего Государя не претендовавшего, прокрался дюжий мужик в дорогом кафтане. – Гонец прибыл. Транкльванийцы Моршан взяли.

– Прочь иди, – устало и почти мертвой интонацией отвечал парнишка. – Сколько у нас войск?

Непонятно, у кого спросил. Но вот вопрос задал, и сразу в тумане вторая фигура выплыла – дородная, низенькая, с клочком бороды.

– Да какое войско, Ваше Величество? Слезы все выплакал давешней ночью. Больше двух третей сбежало. Платить нечем, дворяне уже роптать стали, что никакого Ковчега нету, и ведет нас старец на погибель.

- Я ему верю, - тихо ответил парень, но очень уж грустно.

И тут Миха проняло. Понял он, что отрок этот не иначе как Иоанн Васильевич, нашедший Ковчег и открывший славийцам магию. Ведь его папенька так и описывал - молодой совсем, мудрый не по годам, умер девятнадцати лет от роду и возведен в ранг святых. Так, а это, стало быть, тот самый поход за Ковчегом.

Да, время было трудное. Славия только-только власть орков-кочевников с себя сбросила, как с запада новая беда - позарились транкльванийцы на земли плодородные. И мало того что последние в войсках более богатые были, так существовал у каждого вражеского полководца «артефакт», дарующий им мощь. И помощи ждать было неоткуда. С дрежинцами тогда больно не дружились, да и кроме того их столица - Галия, гоблинцами была осуждена, куда там соседям помогать. Вот тогда и явился светлый старец Инокий пред царем. Откуда взялся, никто не знал. Одни считали, что он всю жизнь близ Пудогы отшельником прожил, оттого и святости такой набрался. Другие говорили, что в прошлом Инокий богатый купец, который вдруг услышал слово Господне, имущество свое отдал да в монахи постригся. Версий много звучало, и нигде правды не было.

И молвил Инокий, что в час трудный пусть царь-батюшка войско собирает, а уж он отведет его к Божьему Ковчегу, великой хранительницы силы и знаний, что спасет весь славийский народ.

- Царь-батюшка, - появился в тумане крепкий мужчина лет сорока в порванной робе. - Пришли.

- Неужто, Инокий? - встрепенулся отрок. - Ну и где?

- Вон, посреди того болота кочка с кустом. Там куст, под ним и есть он, Ковчег.

Туман вдруг дрогнул и стал таять. Звуки стали тише, а очертания расплывчаты. Совсем чуть-чуть - и облако пропало, а по лекционной пронеслось неодобрительное «Ууу», кое-кто даже застучал кулаком о деревянную парту.

- Ну полно, полно, - развел руками профессор, поправил свои космы с боков и добавил, - будет. Вы учитывайте, дорогие мои, что я старик, сил у меня немного. Нахождение Ковчеха покажу на следующий раз, но, - его махонький морщинистый палец взметнулся вверх, - намеренно сделаю несколько ошибок. Кто определит их, получит допуск к экзамену. Поэтому владейте предметом, господа. Можете быть свободны!

Его последние слова потонули в гвалте и общем шуме. Но то была не обычная веселость, с которой студиязусы бегут с университета, а скорее, возбужденное восхищение. Витольд Львович потянул орчука за собой, продираясь против бурного течения распахнутых мундиров, вложенных под руку фуражек и расстегнутых на несколько пуговиц сорочек. Жара, будь она неладна.

- Витольд Львович, а что это за магия такая?

- Визуализация мыслей, очень редкая способность. Признаться, многие считают ее бесполезной, но я думаю, они ошибаются.

Что за «визуализация» такая, Мих спросить не успел. Они спустились пред светлые очи старика, и тот мягким дружеским взглядом ощупал их.

- Разрешите представиться, Меркулов...

- Да вижу, вижу, молодой человек, не трудитесь, - в один миг тень пробежала по лицу профессора. - Сильно на отца похожи. Он ведь чуть старше был, когда они вместе с Мишкой...

- Вы же не верите, что мой отец и ваш сын были причастны к заговору? - Чужим голосом спросил Витольд Львович.

- Не надо, не надо, - поднял руку старик, будто защищаясь. Небольшая часть студиязов, еще не вышедшая из лекционной, обернулась и задержалась у двери, - я вас прошу, умоляю, не ворошите прошлое.

- Прошу меня простить, Виталий Арсеньевич, я не хотел сделать вам больно.

- Тогда не будем затрагивать более эту тему, - он порывисто схватил Меркулова морщинистыми руками за ладонь и несколько раз потряс. - Ох, что за чудный экземпляр! - Обратил он наконец внимание на орчука, отпустил Витольда Львович и стал напрашиваться на рукопожатие. - Галахов Виталий Арсеньевич.

- Бурдюков Михайло Тереньтевич, - неожиданно для себя выдал Мих. Подумал чуточку и добавил, - к вашим услугам.

- Подумать только, а мне сколько говорят, что орчья кровь, как ее не смешивай, все равно дикой остается. Еще и на государственной службе, четырнадцатого чину. По полицейскому ведомству!

- Виталий Арсеньевич, - прервал его Витольд Львович, - мы к вам по очень важному делу.

- Ну еще бы по неважному. К старику уже давно просто так никто не ходит.

Но все же обращение возымело действие. Профессор повернулся к Меркулову, а тот вытащил сложенный листок и протянул Галахову.

- О, - расширились глаза старичка. - О. Это... очень интересно. Даже не буду спрашивать, где вы подобное увидели, не хочу слышать вранья. Но это... это...

- Что это? - решил вернуть Витольд Львович разговор в конструктивное русло.

Старик задумался, совсем ненадолго. И понял Мих, он явно не вспоминает, а точнее решает, сказать им, что знает или нет. Вдруг понял орчук, что этот аристократ врать точно не будет, не из той породы, что юлят и претворяются. Но на счастье Меркулова старик все же кивнул и стал говорить.

- Рогатый бог. Так его называют аховмедцы.

- Виталий Арсеньевич, сердечно прошу, расскажите мне все, что знаете об этом рогатом боге.

- Ну-с... - Профессор сделал театральную паузу, но было видно, ему самому не терпится рассказать обо всем. - Это самый главный культ аховмедцев.

- Разве у козлоногих вера какая есть? - Вмешался Мих, имевший некоторое представление об разных народностях.

- Не козлоногих, а аховмедцев. Или сыновей Матара, на худой конец, - укоризненно заметил Виталий Арсеньевич. - Вам ли говорить, молодой человек, что нельзя судить людей и прочих по внешнему признаку, - орчук сконфуженно потупился, а профессор продолжил. - Есть

тайный культ, в который посвящают лишь достойных.

- И предмет поклонения тот самый Рогатый бог? - Понял Меркулов.

- Именно. Кровавый воин, родоначальник всех аховмедцев.

- Вот почему все правители у них носят рога, - догадался Витольд Львович.

- Именно, - кивнул профессор. - Так вот, о Рогатом боге. Культ очень древний, со своими обычаями и традициями. И насколько я знаю, этот знак имел право носить только один из них.

- Поясните, Виталий Арсеньевич.

- Смотрите, культ ведет очень замкнутое и нелюдимое существование. Для них Рогатый бог священен, и любое упоминание о нем среди других народов является кощунством. Не спрашивайте, как это знание пришло ко мне, за него пролилось уже немало крови.

- Я все же не понимаю, куда вы ведете, - нахмурился Меркулов.

- Сейчас покажу.

Профессор склонился над столом, вытащил чистый лист и поставил на нем девять точек.

- Девять аховмедцев имеют право носить на груди Рогатого бога, они называются Усы, что в очень вольном переводе можно обозначить как Сыновья. Какова их функциональность в культе и чем конкретно они занимаются, я не знаю. Но! - Виталий Арсеньевич поднял уже перепачканный чернилами палец. - У каждого из них Рогатый бог полный, то есть пустой. То есть изображение производится лишь по контуру. И лишь один из аховмедцев имеет право носить на себе полного Рогатого бога - Логофет.

- Верховный жрец?

- Там все гораздо сложнее, - покачал головой профессор, как бы оценивая перевод Меркулова, - скорее хранитель. Не спрашивайте, что и зачем он хранит. Фигура Логофета сокрыта такой же тайной, как и сам культ, что, согласитесь, не так уж и странно. Но, как я понимаю, по иерархии хранитель культа Рогатого бога не подчиняется даже самому королю Аховмедии.

- Вот почему Бруу То Вайла возмутило, когда я назвал убитого его слугой, - подумал вслух Меркулов.

- И не считите меня параноиком, молодые люди, но сдаётся мне, что Логофет мертв.

Мих сдуру кивнул, только потом опомнившись, а Витольд Львович отвел взгляд.

- А значит, ничего хорошего не жди. Крови пролито будет много, аховмедцы - народ горячий.

- Спасибо большое, Виталий Арсеньевич, - заторопился Меркулов. - Мы вынуждены откланяться.

- Всего хорошего, молодые люди. Будет время, захаживайте, подождите, подождите, - он вытащил прямоугольную крохотную то ли картонку, то ли плотную бумагу и передал в руки Витольду Львовичу, - это мой адрес. Если вдруг, что понадобится, можете не смущаться правилами хорошего тона и беспокоить в любое время.

На то господин лишь поклонился, хотя визитную карточку все же забрал.

- Витольд Львович, случилось чего? - Спросил Мих, едва на мостовую вышли.

- Странно все, весьма странно, - все более хмурился Меркулов. - Эй, стой. До Столешникова переулочка, двенадцатый дом. Да побыстрее. Михайло, не зевай.

Они расположились в пролетке. Извозчик залихватски свистнул, ударил вожжей по лошади, прибавив такое крепкое матерное словцо, что даже орчук удивился его витиеватости, и помчал их вниз.

- Странно... - бормотал Витольд Львович, потирая указательным и большим пальцами подбородок. Мих даже не стал справляться, что именно показалось хозяину чрезвычайно удивительным, и Меркулов чуть помолчал, принялся рассуждать вслух. - Убили Логофета, но аховмедцы вместо мести и кровопролития лишь спокойно ожидают расследования.

- Король ихний шибко недоволен был.

- Не король, а принц, - поправил его Витольд Львович. - И надо знать взрывной нрав козлоногих, чтобы понимать, они сильно себя сдерживают. Опять же, могли сказать, что убит очень высокий по положению сановник, не говоря, кто именно, да скрыли.

- Зачем?

- Думаю, они ведут явно двойную игру. Если они пожертвовали фигурой Логофета, продолжают оставаться для переговоров о мире, чтобы не обострять конфликт, боюсь даже предположить, какова цена всей партии.

- Может, и вправду замирились хотят?

- Нет, как раз от мирного договора меньше других выигрывают аховмедцы. Если верить газетам, дрежинцы будут вынуждены отдать часть территорий, выплатить контрибуцию, а мы выступаем гарантом всего этого. Но в случае продолжения войны, аховмедцы получают гораздо больше. Нет, тут все не так просто. Ищи козлоногии простую выгоду, они бы воспользовались убийством Логофета и остановили переговоры. Более того позволили забрать тело хранителя, не воспротивившись славийским законам и поставив тем самым весь свой культ под угрозу раскрытия.

- Так говорил же Виталий Арсентьевич, что об этом Рогатом боге среди нас никто не ведает.

- Все-таки вероятность раскрытия существует. Причем, не малая. Следовательно, если размышлять гипотетически, - он поглядел на Муху и добавил, - то есть, если думать образно, существует нечто намного ценнее жизни Логофета и огласки существования культа.

- Оружие какое, пицаль зачарованная.

- Что-то намного масштабнее.

- А мы, господин, в полицмейстерство теперь?

- К Его превосходительству, - кивнул Меркулов, - он говорил докладываться обо всем. А мы с тобой, Михайло, за один день столько узнали, на неделю вперед хватит.

И то правда. Вообще нравилась орчуку его новая служба. Такую и работой язык не повернется

назвать. Знай, едешь себе полдня туды-сюды, с людьми разговариваешь, ну и с прочими, естественно. И каждый к тебе по-серьезному относится, на мундир смотрит, беседы ведет, ежели не как с равным, то не меньше как с достойным. Даже совестно, вроде как у Христа за пазухой.

Вот идет побирушка: голова опущена, в глаза боится взглянуть, только рука вперед выставленная торчит. Вместо одежды рубище сплошное, лохмотья, а не платье. Или следом несколько фабричных следуют. Бороды закопчены, лица грязны, руки мозолисты, спины согбенны. Мужик, может, и рад выпрямиться, да поди уж забыл, как с прямой спиной ходят. Им дорогу половой перебегают. Этот лицом чист да и платьем ухожен, но и у него жизнь не кусок рафинада. Попадется какой норовистый гость, так не преминет в зубы дать, а хозяин потом и рублем накажет. Нервов на подобную работу не напасешься.

Тяжело жить простому люду в Славии, кого не возьми. И то в Моршане, в столице, еще полегче. Тут, как слышал рассуждения двух мужиков, «возможностей больше». Может, оно и так: Мих вон из рядовых сразу в дамки выпрыгнул.

До полицмейстерства ехали долго. Не близкая дорога с Сокольничьей горы до Столешникова переулка. Не один час пешего ходу. Это на пролетке, конечно, быстрее. Подумалось Миху, надо бы как-нибудь дельце обстряпать, чтобы деньги, извозчику данные, потом обратно возвращались. Ведь если посмотреть, Витольд Львович по службе ездит, а деньги свои тратит. Сам господин до того не додумается, голова у него особливymi мыслями занята. Вот и сейчас сидит, поди, все об аховмедцах все размышляет.

А меж тем и к Столешникову переулку поворотили. Так завернул извозчик, аж колесо от камня оторвалось. Ежели не Мих сидел, а другой, похлипче, то и вовсе перевернулись. Так же только дух захватило. Захотелось орчуку отходить лихого ваньку – не за себя, за господина. Не ровен час покалечил бы.

– Стой, оглашенная.

– Ты и есть оглашенный, – недобро молвил Мих, ступая на мостовую.

Покачал головой, наблюдая, как хозяин дает вдвое больше, чем следовало бы заплатить пройдохе. Хотел о том сказать, но Витольд Львович строго посмотрел на подчиненного и произнес лишь ему понятное: «За экспресс». На том и остановились.

Мих к двери пошел, да по причине своей огромности, неуклюжести и ротозейства чуть не задавил коротышку. Незнакомец был малого роста, ежели даже судить по человеческим величинам, но все же чуть выше гоблинца. Это ничего, бывают люди разные, лишь бы с головой дружбу водили. Именно этот с умом серьезно рассорился, как иначе объяснишь – на улице жарынь стоит невозможная, даже эльфийцы, к ней привычные, из лавок носа не кажут, а этот стоит как есть полностью в плащ завернутый да с накидкой, лица вовсе не видно.

Впрочем, может, чумной? Слышал Мих, что ранее, на самом конце мира, что севернее Великогоблинии, страна была – Перигалия. Размерами, само собой, не чета Славии, но по численности их превышавшая. Люд там селился плотно, строили дома высотные, каких в Моршане сроду не видывали, через то и погибли. Пришла чума и за седмицу половина страны вымерла. Ближайшие же государства границы тут же закрыли, чтобы болезнь не распространять. Даже козлоногии, на что они охотники до завоеваний, в сторону Перигалии не смотрели. Вот и получилось, что у самого море-океана, самой лакомой и плодородной земли Чумные просторы образовались. И, поговаривают, что те, кто выжили там, точно так же, как

этот незнамец, ходят сплошь в плащи завернуты.

Хотя несурaziца это все. Чтобы сюда с Чумных просторов добраться, нужно проследовать через мелкие людские государства, потом сквозь Аховмедию, Дрежинию или Транкльванию, либо по морю, с заходом в Гоблинарию. Но никто такому скитальцу помощью не поспособствует, тут к гадалке не ходи. Может, филер? Шпионов Мих сроду не видывал, так почему они не могут выглядеть подобным образом?

- Прошу прощения, господин, - сразу обозначил свою виноватость Мих.

А в плаще даже головы не поднял, быстрым шагом, чуть пружинистым, точно на шарнирах двигается, мимо проскочил. Станный, не то слово. Еще деталь одна орчуку в глаза бросилась - трость дивная, тонкая, сплошь черная, как совесть гоблинарца. Единственно что - ручка на солнце блеснула, прямо по очам прошла, заставив зажмуриться. Потер Мих глаза, а незнакомца уже и нет. Куда свернул, непонятно?

Тут уже и подошедший Витольд Львович отвлек. За плечо тронул, Мих даже встрепыхнулся от неожиданности.

- Пойдем уже.

Они вошли внутрь полицейского участка, поэтому не увидел орчук, как на другой стороне улицы вдруг оказался тот самый «черный» человек, завернутый в плащ. Нет, не появился магическим образом, образовавшись из пустоты, не материализовался чудесами всеблаготворительного электричества и электромагнитного воздействия, о котором много писали газеты, но в жизнь эти идеи не могли привести даже гоблинцы, а попросту выскочил из какого-то закутка.

Погоды стояли самые что ни на есть духотные и бездождливые, однако незнамец в полной мере игнорировал сии условия. На его коже, которую он тщательно скрывал, не проступила и капля пота. Он постоял всего несколько секунд, глядя на дверь, за которой скрылись титулярный советник со своим верным помощником, постучал в раздумьях тростью о камень, причем звук от удара чрезвычайно напоминал лязг шпажной стали, а потом резко развернулся и пружинистой походкой пошел прочь.